

Благотворительный Фонд
"ПРОТЯНИ РУКУ"

«7» марта 2024г

Москва 115054

ул. Дубининская, 57 стр. 6

+7 (964) 714-81-12 info@ruku.org

www.ruku.org

ОГРН: 147799007036

ИНН/КПП: 7724302023/772501001

ОТЗЫВ

кандидата исторических наук Мишиной Екатерины Максимовны
на автореферат диссертации Горецкой Екатерины Михайловны
«Сравнительный контент-анализ воспоминаний бывших заключенных ГУЛАГа:
профессиональный, гендерный и хронологический аспекты»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторической наук
по специальности 5.6.5 - Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

В своем исследовании Е.М. Горецкая проводит контент-анализ воспоминаний узников ГУЛАГа, опубликованных на электронном ресурсе «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы». Цель исследования - «провести сравнительный контент-анализ воспоминаний женщин-заключенных и мужчин-заключенных как в целом, так и по отдельным группам документов (род занятий автора, возраст на момент ареста, приговор, период репрессий (с. 5). Автор обозначает сам процесс исследования в качестве его цели, не объясняя, зачем именно нужно проведение такого анализа, что противоречит принципам постановки цели научного исследования.

Структура диссертации обусловлена поставленными задачами и включает следующие разделы: введение, пять глав, заключение, список источников и литературы, приложения.

К положениям на защиту, содержательным задачам и к выводам данной работы есть ряд существенных замечаний.

1. К содержательной части работы относится задача 3 - «выявить и описать черты социального портрета» авторов мемуаров (с. 5). Ее невозможно считать по факту решенной. Суть реконструкции социального портрета подразумевает анализ демографических и социальных характеристик человека, а также их влияние на вынесенный приговор, для понимания, кто именно и по какой причине становился жертвой репрессий в разные их периоды. Автор же рассматривает лишь отдельные характеристики (пол, возраст, род занятий без обращения к какой-либо из существующих их классификаций, статью обвинения и приговор) в отрыве друг от друга, при этом указывая, что для более чем трети людей отсутствуют сведения об

образовании и для более половины – о статье обвинения. Отдельно автор отмечает «степень детализации» приговора, которая больше характерна авторам-мужчинам (с. 63 диссертации), хотя это указывает лишь на орган осуждения: 10 лет ИТЛ и 10 лет с поражением в правах – это один и тот же приговор, вынесенный во внесудебном и в судебном порядке соответственно. Таким образом, реконструированный социальный портрет является неполным и лишенным сути данного типа исследования. Один из выводов автора состоит в следующем: «Созданный на основе базы данных социальный портрет заключенных, а также результаты контент-анализа показывают сходство персональных характеристик авторов мемуаров. Первоначальная гипотеза о наличии существенных различий в текстах мужчин и женщин не подтверждается» (с. 25). Реконструированный социальный портрет же при уже отмеченной его неполноте является не представляющим ценности для содержательного наполнения работы с учетом того, что, по мнению автора, все персональные характеристики сходятся, хотя авторы воспоминаний, как минимум, различаются по половой принадлежности. Отметим, что автор не ставил перед собой задачу определения причины репрессии и, соответственно, попадания в лагерь, однако неясно, зачем в таком случае необходимо обращение к социальному портрету в принципе с учетом того, что полученные результаты не используются по существу в ходе исследования. Также автор, судя по логике изложения, заявляет о проведении контент-анализа на материалах биографических справок. Вывод в этой части не имеет под собой оснований, поскольку такой анализ не проводился.

2. В положении на защиту 1 автор указывает, что «Информационный потенциал выявленных в ходе подготовки диссертации источников является достаточным для решения поставленных в исследовании задач» (с. 14), однако доказательство этого тезиса в отношении использованных биографических справок в работе нет, так как их источниковедческий анализ не проводился. Автор ограничивается лишь упоминанием их «особой ценности» в автореферате (с. 12) и одним абзацем в тексте диссертации, в котором в первом же предложении указанные справки названы «полноценным источником» (с. 34 диссертации), в то время как в действительности биографические справки не обладают полнотой данных, что отмечает и сам автор: «в биографических справках присутствует множество лакун: они были составлены участниками проекта «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы» исключительно на основе текстов мемуаров, а в текстах заключенные не всегда прямо указывали ряд данных» (с. 50 диссертации). Он отмечает проведенную попытку восполнить пробелы по базе данных «Жертвы политического террора в СССР» и объясняет отсутствие в ней сведений по некоторым персоналиям тем, что в базу не попадают сведения из «республиканских» Книг памяти (с. 53 диссертации). Однако это утверждение не соответствует действительности, так как данные по Казахстану, Беларуси, частично Украине и Кыргызстану в базе присутствуют, а данное утверждение могло бы считаться аргументом только в случае анализа места осуждения авторов воспоминаний, так как Книги памяти комплектуются по территориальному принципу. Подобный анализ в работе автора не проводился. Источник, имеющий подобную неполноту, не может считаться

«самостоятельным», каким он заявляется в выводах работы (с. 24). В отношении своего первичного источника - текстов воспоминаний - автор игнорирует один из важнейших критериев, необходимых при анализе источников личного происхождения, – хронологическую удаленность их письменной фиксации от события. Автор отмечает, что определение дат написания о тех или иных мемуаров представляется сложной задачей (с. 16), однако не решает ее на протяжении всего исследования, несмотря на то, что этот критерий в значительной степени влияет на отражение описываемых в тексте событий и обязан учитываться при проведении анализа.

3. Положение на защиту 3 - «В мемуарах заметны типичные гендерные различия восприятия и трансляции лагерного этапа жизни заключенных» - противоречит положению на защиту 5 - «Взгляд мужчин и женщин на события лагерного периода един – на первый план выводятся именно общие черты восприятия лагерной жизни, затмевая частные элементы» (с. 15). Путается автор и в заключительном выводе работы, который, при своей многословности, сводится к тому, то персональные характеристики авторов не имеют значения, поскольку все авторы, которые писали про ГУЛАГ, написали именно про лагерь и про то, как они в них выживали («глобально на эти общие тенденции восприятия не влияет ни пол авторов мемуаров, ни профессия, ни возраст на момент ареста, ни количество лет, которые заключенные были вынуждены провести в лагерях», поскольку «лагерная жизнь выводила на первый план в воспоминаниях людей не человеческие эмоции, думать о которых было особенно больно, а проблемы простого выживания, ежедневной борьбы за существование в нечеловеческих условиях» (с. 25). Этот вывод является очевидным и без проведения специальных исследований, если иметь представление о сути ГУЛАГа.

4. Выводы работы, сформулированные как в заключительной ее части, так и в отдельных параграфах, демонстрируют поверхностное представление автора о политических репрессиях и о ГУЛАГе в частности, что проявляется во множестве фактических ошибок. Приведем две наиболее существенные, напрямую влияющие на содержательные выводы по отдельным главам диссертации. На с. 20 автореферата автор подтверждает особенности статистического анализа подгрупп по приговору отличиями в подгруппе «ссылка», отмечая, что «женщины в ссылке писали больше не о лагерном существовании, а об обычной человеческой жизни». Ссылка никогда не относилась к системе ГУЛАГа, а входила в компетенцию НКВД-МВД-МГБ, являлась отдельным видом репрессии и могла быть косвенно связана с «лагерным существованием» только в контексте повторного осуждения по указу ПВС СССР от 21 февраля 1948 года. Следовательно, исходя из цели работы, воспоминания, повествующие о ссылке, не должны были стать ее источником, а выводы, сделанные на воспоминаниях о ссылке, не могут быть приравнены к полученным по итогам анализа воспоминаний заключенных ГУЛАГа. На с. 24 автореферата автор указывает, что «высокие частоты категории «Тюрьма» в мужских текстах могут быть объяснены тем, что большинство «перегибов» и издевательств со стороны надзирателей

заклученные ощущали именно на общих работах», в то время как тюремное заключение не входило в лагерный этап жизни человека, а тюрьмы для осужденных, а не подследственных (Владимирская и Орловская), находились в ведении НКВД, а не ГУЛАГа. Трудовая повинность в этих тюрьмах не предусматривалась. Указанный автором вывод является некорректным с исторической точки зрения. Помимо прочего, текст автореферата не демонстрирует, что автор проанализировал особенности организационных форм и сущности лагерей, значительно различающихся для раннесоветских концлагерей, трудовых лагерей 1930-х годов и особых лагерей послевоенного периода. Эти факторы напрямую влияют на смысловое наполнение главных для автора категорий «Быт» и «Работа», связь которых он подчеркивает на протяжении всего исследования. Обращение к тексту диссертации также показывает, что подобный анализ не проводился.

Исследование столь сложной и многогранной темы по источникам личного происхождения накладывает на автора исследования ответственность за бережное отношение к памяти людей, с которой работает исследователь. Сведение человеческих трагедий и искаленных жизней до категорий и их взаимосвязей, где, по выражению автора, человек вспоминает не тяготы и лишения, а «категории» (с. 23), демонстрирует, что автор в достаточной мере овладел методикой проведения контент-анализа, однако в сущности не привнес новое знание в понимание истории заключенных и ГУЛАГа в частности.

Таким образом, в работе Е.М. Горецкой некорректно поставлена цель исследования, направленная на проведение процесса, а не достижение результата; задачи в полной мере раскрывают лишь техническую, а не историческую сторону работы; выводы работы некорректные и банальные, очевидные уже на этапе знакомства с источником. Вместе с этим наличие фактических ошибок, непонимание лагерной системы, смешивание понятий и пренебрежение к основному методу работы, выразившееся в игнорировании даты создания воспоминаний, позволяют утверждать, что исследование Е.М. Горецкой нуждается в существенной переработке и не соответствует уровню требований, предъявляемых к диссертации на соискание степени кандидата исторических наук.

кандидат исторических наук, редактор проекта «Открытый список жертв политических репрессий» НКО «Благотворительный фонд помощи лицам, находящимся в трудных жизненных обстоятельствах, «Протяни руку»

Мишина Е.М.

Подпись руки Мишиной Е.М. удостоверяю

Костина Н.В.